

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

ПЕРВОЕ СВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1840 г.)

Как известно, Гюльханейский хатт 1839 г. провозгласил ряд важных принципов, которые должны были быть положены в основу дальнейших реформ. Эти принципы носили буржуазный характер, хотя инициаторами реформ были представители правящего феодального сословия. Сторонники реформ путем такого рода преобразований намеревались укрепить государство, сохранив вместе с тем его основные традиционные феодальные мусульманские институты. Путем реформ буржуазного характера они намеревались способствовать развитию капиталистического уклада в экономике, ввести буржуазные нормы во все области жизни и уничтожить причины недовольства покоренного населения.

Реформы нового времени в Турции (так называемого периода Танзимата, начавшегося в 1839 г.) изучены недостаточно, в том числе и в области права. Новейшие исследования, специально посвященные изучению права в названный период, крайне малочисленны. Советский историк Ф.Ш.Шабанов, автор книги "Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата" (Баку, 1967), упоминает в своем исследовании и уголовное уложение 1840 г. Он отметил, что в период Танзимата была сделана первая попытка ввести в правовую систему Османской империи элементы светского буржуазного права (с.143). Однако на с.150 Ф.Ш.Шабанов написал, что кодекс 1840 г. составлен на основе шариа и обычного права, а на с.178 - что он в значительной своей части заимствован из западных уголовных кодексов. Противоречивые утверждения об истоках этого уложения встречаются и у других исследователей.¹

Содержание кодекса в историографии чаще всего критикуется за неполноту и бессистемность изложения², а также за примитивность мышления его авторов³.

Однако, уголовное уложение 1840 г. отличается такими особенностями, которые позволяют оценить его как один из важнейших документов первого периода Танзимата, перед которыми меркнут его в общем незначительные недостатки. Оно было первым светским законодательством буржуазного характера, утвердившим принципы

Гьльханейского хатта, такие как гарантии безопасности жизни, чести и имущества всех подданных и равенство подданных всех вероисповеданий перед законом.

В тексте Гьльханейского хатта необходимость составления нового уголовного уложения упоминалась несколько раз в связи с названными принципами и такими их частными проявлениями как необходимость ликвидации нарушений законов улемами, везирами и другими лицами, необходимость ликвидации взяточничества и самосуда сановников.

Несмотря на то, что в тексте хатта все перечисленные в нем принципы и предстоявшие нововведения признавались вытекающими из законов шарията, многие из них противоречили и шарияту, и традициям. Однако, сторонники нововведений считали, что ислам способен адаптировать многие идеи Запада.⁴

Противоречили шарияту принцип равенства мусульман и немусульман перед законом, а также признание султаном светских законов, вытекающих из буквы Гьльханейского хатта, выше его воли. Противоречили традициям принцип безопасности жизни, чести и имущества: до сих пор султан казнил и миловал своих "рабов" — сановников и чиновников — без суда и следствия, так же как, впрочем и сановники в провинции поступали со своими подчиненными; имущество чиновников считалось принадлежащим султану, имущество осужденных султан мог конфисковать. Противоречила традициям и ликвидация взяточничества: до 1838 г. османские чиновники не получали государственного фиксированного жалованья, а жили за счет приношений населения, обращавшегося со своими нуждами к властям; в таких условиях отличить плату от взятки и вымогательства было нелегко.

Таким образом, уголовный закон 1840 г. был призван гарантировать принципы, которые в основном выходили за рамки шарията, он являлся своеобразным дополнением к существовавшим до сих пор и сохранившим в значительной мере свою силу и после 1840 г. юридическим нормам.

Анализ текста уголовного уложения⁵ свидетельствует о том, что основные требования, предъявляемые к нему в Гьльханейском хатте, были удовлетворены. Кодекс 1840 г. строго запрещал казни без суда и следствия даже очевидно виновных лиц, и кара за такие преступления, будь то везир или менее высокопоставленный чиновник, налагалась в соответствии с возмездием (кысас) по закону шарията. (око за око, зуб за зуб). Оскорбление чести, нанесенное должностными лицами, наказывалось их арестом сроком от 5 до 25 суток.

За покушение на имущество, совершенное сановниками или чиновниками, следовало их увольнение со службы, а частными лицами — ссылкой на I год. Применение оружия одним частным лицом против другого наказывалось каторжными работами сроком от I до 3-х лет. Мухассыли (сборщики налогов), судьи и полицейские, нарушавшие служебные инструкции, наказывались в соответствии с установлениями данного кодекса. Наказания за взяточничество полагались суровыми — увольнение со службы, запрещение служить после отбытия наказания и каторжные работы до 3-х лет. Равенство перед законом обеспечивалось дарованием перечисленных в хатте привилегий всем подданным без исключения.

Несмотря на то, что после 1840 г. гарантии безопасности жизни, чести и имущества, также как и принцип равенства перед законом часто не соблюдались из-за нарушений законов, которые повсеместно допускались консервативно настроенными сановниками и чиновниками, все же положительные последствия реформ, в том числе и в области права, безусловно сказались и отмечались современниками⁶.

Содержание уголовного кодекса 1840 г. было вызвано к жизни внутренними потребностями и это более важно, чем тот факт, что ряд его положений был заимствован из европейского права.

Реформы Танзимата, провозглашенные в 1839 г., в том числе и реформы права, явились началом долгого и сложного периода трансформации феодального общества Османской империи в общество буржуазное, которая продолжалась и после буржуазной революции 1908-1909 гг.

¹ См., напр., Е. Недков, Османотурска дипломатика и картография. I. София, 1966, с. 62; О. Коймен, Империализм свободной торговли. Оттоманская империя. М., 1970 (X Международный конгресс экономической истории, Л., 10-14 авг. 1970), с. 15.

² См., напр., А. Д. Новичев, История Турции. Ш, ч. 2, Л., 1973, с. 121; Ed. Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, Paris, 1882, p. 40-41; M. A. Ubacini, Lettres sur la Turquie, Paris, 1853, p. 172.

³ С. Палаузов, Мустафа Решид паша, — "СПб Ведомости", 1858, № 14; Ed. Engelhardt, указ. соч., там же.

⁴ См. Fr.Ed.Bailey , British policy and the Turkish reform movement , Cambridge , 1942, p.274; Н.Милев , Réchid pacha et la reforme ottomane , - "Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte", Bd.II, Hf.3, Berlin, 1912, p.393.

⁵ Текст уложения см. R.Каунар, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1954, s.303-313.

⁶ Ed. Engelhardt, указ.соч.,с.109; М.А. Ubicini ,указ. соч.,с.172-173.

С.Г.Кляиторный

ОБРАЗ КАГАНА В ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Среди древнетюркских рунических памятников Центральной Азии главное место по праву занимают эпитафии Бильге-кагану (735 г.), Киль-тегину (732 г.) и надпись Тонькука (около 725 г.), открытые в бассейне р.Орхон. Анализ этих сравнительно крупных текстов как исторического источника, начатый В.В.Бартольдом, Й.Марквартом, П.М.Меллиоранским, П.Пельо и продолженный многими другими исследователями, осуществлялся а) сопоставлением орхонских надписей с независимыми от них группами источников (византийскими, арабскими, персидскими, согдийскими, китайскими, тибетскими, хотано-оаокскими, тохарскими) и б) посредством выявления закономерностей изложения самого древнетюркского текста. Новые возможности для историографической интерпретации надписей открывает еще мало освоенный прием - функциональный анализ типических образов надписей, первым из которых является образ кагана.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюркского племенного союза. Таким социальным идеалом выступает в надписях "вечный эль народа тюрков", созданная тюрками раннефеодальная империя. Гарантом благополучия "вечного эля" был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и "всего народа".